

ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ КАК ФАКТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СССР И КИТАЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ в 1920-е – 1940-е гг.

Елена Николаевна Наземцева

*Военная академия Генерального штаба ВС РФ,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 января 2018 <i>Переработано</i> 14 апреля 2018 <i>Принята к печати:</i> 25 июня 2018	Аннотация: В статье освещается влияние правового статуса оказавшихся в Китае русских беженцев на советско-китайские отношения в первой половине XX века. С помощью сравнительно-исторического анализа этапов урегулирования правового положения русских эмигрантов в Китае в 1920-е – 1940-е гг. характеризуются особенности правового статуса русских беженцев в различных областях Китая, его зависимость от политической ситуации на Дальнем Востоке и советско-китайских отношений на разных этапах формирования и последующего распада диаспоры.
Об авторе: к.и.н., старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт военной истории, Военная академия Генерального штаба ВС РФ e-mail: elenanazz@mail.ru	
Ключевые слова: русская эмиграция; беженцы; гражданство; правовое положение; Китай; СССР; Лига Наций	

Проблема беженцев – это один из сложнейших вопросов, стоящих сегодня перед мировым сообществом. Перемещение населения в результате войн, экономических неурядиц и стихийных бедствий началось не сегодня и завершится не завтра – процесс поиска людьми безопасных условий для жизни в последние годы в ряде регионов планеты интенсифицируется. Он затрагивает многие стороны социально-экономической, общественно-политической, этнической, нравственно-психологической, религиозно-духовной жизни стран и народов. Существуют различные категории мигрирующего населения: беженцы, вынужденные

переселенцы, репатрианты и эмигранты. Проблемы, связанные с ними, все чаще становятся объектом обсуждения государственных, общественно-политических структур и научных кругов. Они вынуждены искать ответы на вызовы, связанные с необходимостью размещения беженцев, их интеграции в местах нового проживания, определять направления миграционной политики, разрабатывать специальное миграционное законодательство. Опубликованные ООН и другими организациями доклады на эту тему свидетельствуют о том, что проблема беженцев становится все острее, и ее решение пока не найдено.

В связи с глобальными миграционными процессами сегодня приобрела особую актуальность и стала одним из важнейших факторов международных отношений проблема правового статуса мигрантов и беженцев. Неурегулированность проблемы правового статуса беженцев и мигрантов приводит к многочисленным межгосударственным, этно-национальным и этно-конфессиональным, социальным и политическим противоречиям в Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке. В частности, с ними сталкивается Китай, который сегодня является наиболее динамично растущим участником международных миграционных процессов¹. Причем число беженцев и незаконных иммигрантов в Китае с каждым годом растет². В основном это выходцы из КНДР, Вьетнама и африканских стран. Учитывая большую численность прибывающих в Китай беженцев и иммигрантов (несколько сотен тысяч человек), их репатриация представляет сегодня большую проблему для китайского руководства.

Собственно само понятие «беженец» регулируется нормами международного права и соответствующими международно-правовыми актами (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г., Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Протокол о статусе беженцев 1967 г., Декларация прав человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, 1985 г., Декларация о территориальном убежище 1967 г. и др.). Беженцы – это лица, вынужденные спасаться, с целью избежать обстоя-

тельств, представляющих угрозу для жизни. Но, как правило, направление бегства четко не фиксируется, это, скорее, «бегство к свободе»³.

Межгосударственная миграция как глобальное явление современности сегодня требует поиска оптимальных решений по ее регулированию, побуждает международное сообщество поставить вопрос об эффективности действующих механизмов защиты беженцев и вынужденных мигрантов, урегулировании их правового статуса. Следует учитывать, что национально-правовые механизмы регулирования миграции и межгосударственное сотрудничество оказывают друг на друга большое влияние⁴. Более того, необходимость межгосударственного сотрудничества в данной сфере обусловлена тем, что миграция стала одним из важнейших факторов развития стран и трансформации всей мировой системы⁵.

Между тем, решение этих вопросов, в том числе и для Китая, возможно на основе

¹ Анохина Е.А. Иностранцы в Китае: новые вызовы миграционной политики. Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677> [Anokhina, E.A. Inostrancy v Kitae: novye vyzovy migracionnoy politiki (Foreigners in China: New Challenges of Migration Policy). Mode of access: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677>]

² Коробеев А.И., Лун Чанхай Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. – 2010. – № 9. – С. 79. [Korobeev, A.I. Lun Changhai Osobennosti migracionnoy politiki sovremennogo Kitaya. (Peculiarities of the Migration Policy of Modern China) // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2010, No. 9, p. 79.]

³ Сабенникова И.В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе. 1926-1951 гг. / История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941-2001 гг. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 5. [Sabennikova, I.V. Formirovanie principov mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya polozheniya bezhencev v Evrope. 1926–1951 gg. (Formation of the Principles of International Legal Regulation of the Situation of Refugees in Europe. 1926-1951) / *Istoriya rossijskogo zarubezh'ya. Emigraciya iz SSSR–Rossii 1941-2001 gg.* Moscow: IRI RAN, 2007. P. 5.]

⁴ Ястребова А.Ю. Соотношение прав индивида и прав государства в сфере миграции // Деятельность международных институтов в области международной миграции населения: глобальная эффективность или национальные интересы: Материалы IX Конвента РАМИ, январь 2016 г. / сост. Д.В. Иванов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 325. [Yastrebova, A.Yu. Sootnoshenie prav individa i prav gosudarstva v sfere migracii (Correlation of the Rights of the Individual and State Rights in the Sphere of Migration) // *Deyatel'nost' mezhdunarodnykh institutov v oblasti mezhdunarodnoj migracii naseleniya: global'naya ehffektivnost' ili nacional'nye interesy: Materialy IX Konventa RAMI, yanvar' 2016 g.* / Ed. by D.V. Ivanov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. P. 325.]

⁵ Ibid. С. 329.

анализа уже имеющегося в истории опыта. Проблема правового статуса беженцев имеет давнюю историю. На международном уровне она появилась после крушения Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской империй в начале XX в. В Европу, Азию, в том числе на Дальний Восток, хлынул поток беженцев, основную часть которых составляли выходцы из бывшей Российской империи. Сравнительно-исторический анализ этапов решения этого вопроса прошлыми правительствами Китая интересен как исторический прецедент и опыт как сам по себе, так и в контексте прояснения прошлого российско-китайских отношений.

Масштабность возникших проблем изменила международную систему первой половины XX в., повлияла на межгосударственные связи, поставила новые задачи советской и китайской дипломатии. Одной из главных стало урегулирование правового статуса новых субъектов политики – русских беженцев. Возникли вопросы о предоставлении им убежища, обеспечении необходимыми средствами к существованию, а также возможности репатриации на Родину. Но без решения проблемы правового статуса решение этих вопросов было невозможно. Страны, гражданами которой являлись русские беженцы, больше не существовало, новую же власть – советскую – они не признавали.

Однако в этот период международное регулирование правового статуса беженцев и межгосударственное сотрудничество в этом направлении пока не было развито, поэтому правовой статус захлестнувших Европу, Азию и Восток русских эмигрантов не был установлен. В результате нельзя было определить, кого следует считать беженцами. Сами русские использовали понятия «беженец» и «эмигрант» как синонимы. Общественные же организации, которые оказывали помощь русским, покинувшим родину, в своих официальных названиях использовали термин «беженцы»⁶. Это вело

к серьезным проблемам при определении численности прибывших в Европу выходцев из бывшей Российской Империи.

Проблемы урегулирования возникшего миграционного кризиса поднимались уже на Парижской мирной конференции 1919 г., на которой была учреждена Международная организация труда (МОТ). В этом же году была учреждена и Международная комиссия по эмиграции⁷.

В результате проведенных в 1920-е гг. под эгидой Лиги Наций ряда международных конференций проблема правового статуса русских беженцев была частично решена. Вопросы прав мигрантов были затронуты в конвенциях № 19 о равноправии в области возмещения при несчастных случаях 1925 г., № 21 об инспекции эмигрантов 1926 г. и др.⁸

Для оказания помощи беженцам необходима стабильная политическая обстановка в стране-реципиенте. Но если в Европе ситуация более менее стабилизировалась к середине 1920-х гг. и позволила хотя бы частично решить проблемы беженцев, в том числе, проблему урегулирования их правового статуса, то на Дальнем Востоке ситуация была иная. Из-за сложной внутривнутриполитической обстановки в Китае, связанной с длящейся уже не первый год гражданской войной, а также постоянно меняющегося в

mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya polozheniya bezhencev v Evrope. 1926–1951 gg. (Formation of the Principles of International Legal Regulation of the Situation of Refugees in Europe. 1926–1951) / Istoriya rossijskogo zarubezh'ya. Emigraciya iz SSSR–Rossii 1941–2001 gg. Moscow: IRI RAN, 2007. P. 6.]

⁷ Киселева Е.В. Миграция в деятельности ООН: предыстория вопроса // Деятельность международных институтов в области международной миграции населения: глобальная эффективность или национальные интересы: Материалы IX Конвента РАМИ, январь 2016 г. / сост. Д.В. Иванов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 278. [Kiseleva, Ye.W. Migraciya v deyatel'nosti OON: predystoriya voprosa (Migration in the Activities of the UN: Background of the Issue) // Deyatel'nost' mezhdunarodnyh institutov v oblasti mezhdunarodnoj migracii naseleniya: global'naya ehffektivnost' ili nacional'nye interesy: Materialy IX Konventa RAMI, yanvar' 2016 g. / ed. by D.V. Ivanov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. P. 278.]

⁸ Ibid. С. 279.

⁶ Сабенникова И.В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе. 1926–1951 гг./История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 6. [Sabennikova, I.V. Formirovanie principov

связи с этим внешнеполитического курса, здесь пока не было четкой линии по отношению к нахлынувшим в страну русским эмигрантам. Более того, в Китае, куда направлялся основной поток русских, уже существовала довольно многочисленная русская диаспора.

Положение русских беженцев осложняла новая международная ситуация на Дальнем Востоке: Синьхайская революция в Китае и Октябрьская революция в России положили начало новому этапу в истории взаимоотношений двух стран. В обоих государствах изменились политические системы. Произошедшие трансформации способствовали определению новых стратегических задач советской внешней политики в отношении Китая: расширение советского влияния в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, противодействие политике великих держав, контроль ситуации в приграничных районах. Препятствием для решения задач советской внешней политики стал эмигрантский фактор, так как он оказывал существенное влияние на советско-китайские отношения в регионе: нерешенность правового статуса русских эмигрантов в целом и в Китае в частности приводила к нестабильности их социального и экономического положения, использованию эмигрантов руководством разных стран, заинтересованных в расширении своего политического влияния в данном регионе.

Революции и последующие за ними гражданские войны в Китае и в России изменили и внешнеполитические задачи нового китайского руководства. Прежде всего, это касалось усиления китайских позиций в приграничных территориях страны, где ранее достаточно сильным было влияние Российской империи – Маньчжурии, Синьцзяне и др. Особым вопросом стал вопрос о статусе Китайской восточной железной дороги.

В борьбе за достижение своих внешнеполитических целей и руководство Советской России, затем – СССР, и руководство Китайской Республики на протяжении 1920-х – 1940-х гг. активно использовало белоэмигрантский вопрос, в частности, проблему правового статуса русских беженцев, оказавшихся в Китае.

При этом следует учитывать значи-

мость эмигрантского фактора для советско-китайских отношений межвоенного периода, который определяется, прежде всего, численностью эмигрантов, которая была весьма значительной. По разным данным число выходцев из бывшей Российской Империи в разных областях Китая в 1920-1940-е гг. составляло от 200 до 500 тыс. чел. и более. Кроме того, необходимо учитывать и тех бывших подданных Российской Империи, которые бежали в Китай из Средней Азии после восстания 1916 г. Таким образом, вопрос о беженцах, их статусе и дальнейшей судьбе приобретал поистине глобальные масштабы и становился одним из главных в отношениях двух государств.

Первое время после перехода китайской границы русские эмигранты находились в сложнейшей ситуации. Формально они оставались гражданами несуществующего уже государства – Российской империи. Однако изменения правового статуса русских граждан наметились уже в 1917 г., то есть сразу же после начала революционных событий в бывшей Российской империи: несмотря на положение экстерриториальности, для въезжающих в Китай русских китайские власти ввели обязательное визирование паспортов, что было нарушением правил, предоставленных России Китаем договорами, заключенными ранее. Беженские и воинские эшелоны, следовавшие по КВЖД, тщательно обыскивались и осматривались китайскими патрулями.

Бывшие российские консулы не имели возможности защищать права прибывающих в Китай русских. Они фактически уже представляли интересы не граждан Российской империи, а всех, покидающих ее территорию, несогласных с новой установившейся властью. Но, несмотря ни на что, они все же пытались изменить положение⁹. Большую роль в этом играл российский посланник в Китае князь Н.А. Кудашев.

Кроме того, консульства располагали достаточными средствами. В частности, дипломатические миссии в Китае, а также Японии, Монголии и Сиаме получали содержание путем займов в Русско-Азиатском банке. А сам банк с согласия союзников по Антанте depo-

⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3196. Л. 7. [AVPRI. F. 143. Op. 491. D. 3196. L. 7]

нировались суммы, причитающиеся России в качестве вознаграждения за убытки при подавлении Боксерского восстания¹⁰.

Положение осложнялось тем, что практически сразу же после Октябрьской революции – в декабре 1917 г. – за границу отправлялись дипломатические миссии нового большевистского правительства¹¹. При этом следует учесть, что на момент официального прекращения действия загранучреждений Российской империи в ноябре 1917 г. консульская сеть в Китае была одной из самых разветвленных в мире – только в Синьцзяне, Внешней Монголии и Маньчжурии насчитывалось 17 представительств¹².

Советское руководство стремилось установить официальные контакты с прави-

тельством Китая и его представительствами, как в Петрограде, так и в Пекине, и ради этого активно шло на различные уступки китайской стороне. Это в свою очередь, было выгодно китайскому руководству, так как давало ему возможность проводить политику, одной из задач которой являлась отмена статуса экстерриториальности иностранных подданных, в том числе русских.

Уступки, сделанные советской стороной Китаю в это время способствовали изменению отношения китайского руководства к новой власти в России, и отразилось на положении оказавшихся в Китае русских беженцев. Осенью 1920 г. царская дипломатическая миссия была лишена всех дипломатических привилегий: 23 сентября был издан Декрет президента Китайской Республики о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. Согласно этому акту Китай принимал на себя все права Русского Правительства по отношению к русским гражданам и русским предприятиям, находящимся в пределах Китайской Республики. 25 сентября 1920 г. Кудашев направил министру иностранных дел Китая ноту с подтверждением получения декрета президента Республики об упразднении русского посольства и консульств на территории Китая. В ноте он отметил, что в соответствии с декретом уведомил русские консульства о необходимости их ликвидации, а также о том, что с этого времени русские в Китае лишались официальной защиты. Были закрыты Генеральное консульство Российской империи в Харбине, консульства на линии КВЖД в Маньчжурии¹³.

В марте 1921 г. китайское правительство издало указ «О порядке регистрации русских эмигрантов». Согласно этому указу все эмигранты, прибывающие из России, должны были зарегистрироваться в по-

¹⁰ Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. / Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 245. [Barmin, V.A. Vzaimootnosheniya rossijskoj diplomaticheskoy missii i poddannyyh Rossii v Sin'czyane s belym dvizheniem v 1919–1920 gg. (The Relationship between the Russian Diplomatic Mission and Russian Subjects in Xinjiang with the White Movement in 1919–1920) / Aktual'nye problem Central'noj Azii i Kitaya: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh statej pamyati B.P. Gurevicha. Barnaul: Azbuka, 2006. P. 245.]

¹¹ Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России / Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. – М.: Наука, 2005. – С. 80. [Mironova, E.M. Diplomacheskoe vedomstvo antibol'shevistskoj Rossii (Diplomatic Department of Anti-Bolshevik Russia) / Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya: materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Moscow: Nauka, 2005. P. 80.]

¹² Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1(13). – С. 103. [Sizova, A.A. Politicheskoe izmerenie deyatel'nosti konsul'skoj sluzhby Rossii v Zastennom Kitae vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (The Political Dimension of the Activities of the Russian Consular Service in Walled China in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 2011, No.1(13), p. 103.]

¹³ Goverдовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. – М.: Изд-во МАДИ. – 2004. – С. 37. [Goverdovskaya, L.F. Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoj eh migracii v Kitae v 1917–1931 gg. (The Socio-Political and Cultural Activities of Russian Emigration in China in 1917–1931). Moscow: Izd-vo MADI, 2004. P. 37.]

лицейском управлении и получить вид на жительство. Въезд на территорию Китая разрешался с санкции посольства Китая в России, либо приграничных местных правительственных учреждений. В то же время, несмотря на огромный поток русских эмигрантов, китайские власти пока не вводили законодательных ограничений на въезд. В сентябре 1923 г. МИД Китая издал единое Положение о проживании русских подданных. Условием регистрации и проживания в Китае для русских по этому Положению являлась «непричастность к экстремистским политическим организациям», под которыми понимались, в частности, организации, близкие к большевистским¹⁴.

По мнению американского исследователя Ф. Патрикеева, подобные меры были обусловлены тем, что китайские руководители были обеспокоены фактическим отсутствием вплоть до заключения советско-китайского договора 1924 г. правительства, которое юридически представляло бы Россию и могло бы нести ответственность за своих граждан, поэтому им «пришлось адаптировать новую схему управления русским населением в Китае в целом, и главным образом в зоне КВЖД»¹⁵. Безусловно, это действительно имело место, однако не следует забывать и о других целях китайского руководства в этот период, прежде всего, в отношении Маньчжурии и КВЖД. Установление Китайской Республикой контактов с победившей в Гражданской войне советской властью позволило китайскому руководству не только сократить права русских в Китае, но и укрепить свое влияние в тех регионах страны, в которых прежде были сильны позиции России. Многие русские беженцы склонялись к принятию китайского гражданства, так как теряли уверенность в необходимости возвращения в Россию и стремились

укрепиться в новых условиях. Более того, те из русских, кто уже работал на КВЖД или собирался туда устроиться, учитывали сложившуюся ситуацию и с одной стороны, на волне своих идеологических предпочтений – неприятия советской власти – с другой стороны, из-за необходимости прокормить себя, стремились определить свой правовой статус и принять китайское гражданство.

Советское же правительство по понятным причинам не было настроено на защиту прав русских эмигрантов. Отказавшись от экстерриториальности, оно преследовало в первую очередь идеологические цели, однако впоследствии главную роль вновь стали играть, прежде всего, государственные интересы. Русские беженцы оказались в еще более сложном положении, так как началась своеобразная негласная борьба советской и китайской сторон за гражданство русских беженцев. СССР уже в 1921 г. объявил амнистию, а спустя некоторое время упростил процедуру получения советского гражданства для русских в Китае.

Обращение за помощью в международные организации не имело смысла, так как последние не имели влияния в Китае. Практически единственным выходом в создавшихся условиях для русских стало обращение к русским общественным организациям. Среди них – Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПБ)¹⁶, Земгор, Особое управление РОКК на Дальнем Востоке и Харбинское особое совещание РОКК¹⁷. Однако, несмотря на активные попытки социальной защиты русских эмигрантов со стороны общественных организаций, политика китайских властей была направлена на максимальное правовое подчинение русского населения, лишение их каких-либо дополни-

¹⁴ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2007. – С. 73. [Ablazhey, N.N. S vostoka na vostok: Rossijskaya eh migraciya v Kitae (From East to East: Russian Emigration in China). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. P. 73.]

¹⁵ Patrikeeff, F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asian Balance of Power, 1924-1931. London; New York: Palgrave Press, 2002. XIV. P. 29.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 233. Л. 5. [GA RF. F. 9145. Op. 1. D. 233. L. 5.]

¹⁷ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945 гг.). – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. – С. 121. [Malyshenko, G.I. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossijskogo kazachestva v dal'nevostochnoj eh migracii (1920-1945 gg.). (Social and Political Life of the Russian Cossacks in the Far Eastern Emigration (1920-1945)). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. P. 121.]

тельных прав, связанных с положением бывших подданных Российской империи¹⁸.

Другим выходом для русских беженцев стала реэмиграция на родину. Объявленная советским руководством «амнистия» дала существенные количественные результаты: 121000 эмигрантов вернулись в Советский Союз в 1921 г. и 60000 в следующие девять лет¹⁹.

Однако репатриационная политика советских властей в 1920-е гг. была неоднозначной. Осуществление репатриационных мероприятий тормозили многочисленные проблемы, существовавшие между советскими ведомствами – НКВД и ОГПУ, а также финансовые затруднения. Тем не менее, значительной части эмигрантов все же удалось получить разрешение на въезд в СССР. Но с середины 1920-х гг. данные процессы замедляются, так как завершается и процесс расселения эмигрантов²⁰.

Процесс репатриации, проводимый советским руководством, осложнял отношения двух государств, так как китайское руководство на местах любыми способами препятствовало получению бывшими подданными Российской империи советского гражданства. Особенно часто это проявлялось в Маньчжурии и Синьцзяне. Но если в Маньчжурии причина заключалась в КВЖД и стремлении китайской стороны укрепиться на дороге, то в Синьцзяне она заключалась в том, что китайская администрация была категорически против получения советского гражданства. К тем русским эмигрантам и бывшим русско-подданным, преимущественно, мусульманам, которые регистрировались в советских консульствах, но пока

не оформили советского гражданства было отрицательным. За каждым их шагом следили²¹. Зарегистрировавшийся в консульстве бывший русский подданный, желающий затем получить гражданство СССР, вынужден был довольно длительный срок ждать утверждения его в правах гражданства. В результате в этот период времени он оказывался вне закона: не гражданин Китая, но и не гражданин СССР. Иногда доходило и до репрессий в отношении эмигрантов и бывших русско-подданных со стороны китайских властей²². В 1923 г. – начале 1924 г. советскими представителями были получены сведения о двух случаях смертной казни бывших российских граждан²³. От зарегистрировавшихся, но еще не восстановленных в правах гражданства СССР поступали массовые жалобы на различные притеснения. Руководство провинции пыталось заставить русских принять китайское гражданство. Советские представители старались урегулировать эти вопросы, но китайские власти не шли на уступки. Китайские власти препятствовали советским консулам вести работу по выдаче пропусков русским беженцам для выезда из провинции, не позволяли производить объезды округов, в целях регистрации беженцев, объясняя это опасениями распространения советской пропаганды²⁴.

Установление советско-китайских дипломатических отношений в 1924 г. не только свидетельствовало о начале нового этапа во взаимоотношении двух государств, но и кардинально изменило положение находившихся в Китае русских эмигрантов. Министром иностранных дел Китайской республики «в интересах дружбы между Китайской Республикой и СССР» было сделано официальное заявление об обязательном прекращении «состояния всех подданных бывшей Российской империи на службе в китайской армии и полиции, ввиду того, что

¹⁸ Капран И.К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920-1930-е гг. / Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 106. [Kapran, I.K. Pravovoe polozhenie sluzhashchih KVZHD v 1920-1930 e gg. (The Legal Status of Employees of the CER in 1920-1930s.) / Pravovoe polozhenie rossijskoj eh migracii v 1920-1930-e gody. SPb.: Sudarynya, 2006. P. 106.]

¹⁹ Wraga, R. Russian Emigration after Thirty Year's Exile. London, 1951. P. 11.

²⁰ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во – СО РАН. – 2007. – С. 31. [Ablazhey, N.N. S vostoka na vostok: Rossijskaya eh migraciya v Kitae (From East to East: Russian Emigration in China). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. P. 31.]

²¹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 6. [AVPRF. F. 08. Op. 9.P. 18.D. 74. L. 6.]

²² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 408. Л. 1. [CAFSB Rossii. F. 2. Op. 4.D. 408. L. 1.]

²³ АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 19. [AVP RF. F. 0262. Op. 1.P. 1.D. 8. L. 19.]

²⁴ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 19, 54. [AVP RF. F. 0100. Op. 10.P. 131. D. 92. L. 19, 54.]

своим присутствием или деятельностью они создают угрозу безопасности СССР»²⁵.

Русские эмигранты вынуждены были в обязательном порядке принять советское или китайское гражданство. В противном случае они оказывались перед перспективой полуголодного существования в чужой стране, так как не имели возможности устроиться на работу, права свободного передвижения, не были защищены законами какого-либо государства, нансеновские же паспорта, предназначенные для русских, не принявших другого гражданства, в Китае, были фактически недействительны. Но, прежде всего, это был моральный выбор: принять гражданство СССР – страны, руководство которой исповедовало чуждые им ценности и идеологию, или навсегда отказаться от прошлого и строить новую жизнь в Китае – государстве, ставшим, несмотря на собственные внутренние проблемы и иную культуру, убежищем для тысяч изгнанников. Признание Китайской Республикой СССР привело к расколу в среде эмигрантов. Разумеется, это было выгодно советскому руководству, так как ослабляло весьма серьезного противника, каким в 1920-е – 1930-е гг. являлась русская эмиграция.

Интересно мнение американского исследователя Ф. Патрикеефа, который считает, что установление китайско-советских отношений для русских эмигрантов было выгодно, так как они теперь должны были подчиняться китайскому законодательству, и, следовательно, «оставались вне поля зрения власти Советского Союза»²⁶.

Однако в действительности большинство эмигрантов восприняло заключение китайско-советского договора как катастрофу. Во многих городах Китая были устроены марши протеста²⁷. Эмигранты заявляли о

«советской угрозе Китаю», обвиняли большевиков в том, что их политика не отвечает российским национальным интересам, так как они допускают «китаизацию Маньчжурии», Л.М. Карахана в том, что он «купил признание Китая»²⁸.

Раскол в эмигрантской колонии, вызванный необходимостью определения своего гражданского статуса, ослабил ее как силу, противостоящую советской власти. Можно считать заключение советско-китайского соглашения следующим после поражения в Гражданской войне ударом по Белому движению в целом. Это было, безусловно, в интересах советского руководства. Но это было на руку и китайским властям, которые стремились использовать противостояние образовавшихся в связи с последними событиями просоветской и антисоветской русских колоний в своих интересах, в частности, для продолжения политики ослабления русского влияния в Маньчжурии²⁹.

Но СССР не собирался терять свои позиции в Маньчжурии. Для проведения чистки от противников СССР, работающих на КВЖД, сюда предполагалось направить несколько сотен коммунистов из СССР, а также непосредственно сотрудников ОГПУ, так как без этого, по мнению главы НКВД Г.В. Чичерина, невозможно было держать дорогу в своих руках. Причем Чичерин подчеркивал, что для осуществления данной операции необходимо «отобрать лучших людей как на важный боевой фронт»³⁰.

1931 gg. (The Socio-Political and Cultural Activities of Russian Emigration in China in 1917-1931). Moscow: Izd-vo MADI, 2004. P. 73.]

²⁸ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-1930-е гг.). – СПб.: Астерион, 2014. – С. 30. [Krotova, M.V. SSSR i rossijskaya ehmigraciya v Man'chzhurii (1920-1930-e gg.) (USSR and Russian Emigration in Manchuria (1920-1930-s.)). Saint Petersburg: Asterion, 2014. P. 30.]

²⁹ Ibid. С. 23.

³⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. – М.: Навалис, 2008. – С. 77-78. [Perepiska I.V. Stalina i G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karahanom: dokumenty, avgust 1923 g. – 1926 g. (Correspondence of Joseph Stalin and G.V. Chicherin with the Plenipotentiary of the

Проблема правового статуса русских и их гражданства проявилась в советско-китайских отношениях во время конфликта на КВЖД в 1929 г. Вопросы гражданства для русских эмигрантов вновь стали главной проблемой. Эмигранты, получившие советский паспорт до конфликта, во время конфликта отказывались от советского гражданства и принимали китайское.

В условиях изменения внешнеполитической ситуации и углубления внутривосточного кризиса в Китае в 1931-1949 гг.: обострения международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии накануне и в ходе Второй мировой войны, этно-конфессиональных противоречий на северо-западе Китая, продолжавшейся гражданской войны, а позднее – прихода к власти КПК эмигрантский фактор продолжал оказывать влияние на отношение Китая и СССР.

Наиболее очевидно это снова проявилось в приграничье – Маньчжурии и Синьцзяне. Активная антисоветская деятельность русских эмигрантов в Маньчжурии, поощряемая японской военной миссией, не могла не вызывать недовольства и противодействия со стороны СССР, что выражалось не только в операциях спецслужб, но и в политике советских властей, касающейся вопросов гражданской принадлежности. Со своей стороны власти Маньчжоу-Го активно спекулировали «паспортной» проблемой, создавая условия для принудительного принятия русскими гражданства марионеточного государства.

Оккупировав северо-восток Китая, японские власти сулили равные права, а также защиту от произвола китайских властей представителям всех национальностей, населявших Маньчжурию. На самом деле ситуация была иная. В генеральной программе организации «Киовакай» был раздел об обязанностях национальных групп Маньчжоу-Го: «русские обязаны стать лояльными подданными Маньчжоу-Го, изучать японский язык, повышать свою профессиональную квалификацию и стабилизировать свою экономическую жизнь». Китайцы же,

«должны направляться к проявлению свойственного им прекрасного трудолюбия в увеличении производства и к повышению своего жизненного стандарта путем совершенствования своих привычек, в частности, совершенствования чистоты и уничтожения безграмотности»³¹.

В то же время Япония рассчитывала активно использовать бывших русских подданных, проживающих на северо-востоке Китая, в своей политике, прежде всего в целях ликвидации русского влияния в Маньчжурии. Это отражено в документах японских ведомств: «После постройки КВЖД и вложения 600 миллионов рублей, Россия, привив русскую культуру и улучшая промышленность, превратила таким образом пустующие земли в богатую хлебом страну. А 3-х миллионное население увеличилось к настоящему времени до 30 миллионов, которое может быть увеличено еще на 100 миллионов. Хотя наступление России и является результатом завоевательского характера славянских племен, но, все же, сегодняшнее экономическое и культурное развитие Северной Маньчжурии в своем большинстве обязано России. Причина столь крепкого влияния России в Северной Маньчжурии именно исходит из этого. Поэтому не так-то легко будет изгнать влияние России из Северной Маньчжурии за короткий срок»³².

Учитывая ситуацию, советские представители доказывали необходимость полного лишения японских властей белоэмигрантского козыря «как бы слаб этот козырь не был»³³. Для этого предполагалось «энергично использовать» процесс размежевания русских эмигрантов, наметившийся в период Второй мировой войны, а также усилить советскую пропаганду, «активизировать все силы за гра-

³¹ Кара-Мурза Г.С. «Новый порядок» в Маньчжурии. Ч. IV. Идеологическая обработка населения Маньчжоу-Го. Чита, 1944. – С. 34. [Kara-Murza, G.S. «Novyj porjadok» v Man'chzhurii. CH. IV. Ideologicheskaya obrabotka naseleniya Manchzhou-Go. («New Order» in Manchuria. Part IV. Ideological treatment of the population of Mangzhou-Go). Chita, 1944. P. 34.]

³² АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 20. [AVPRF. F. 0100. Op. 16.P. 169a.D. 22. L. 20.]

³³ АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 18. Л. 63. [AVP RF. F. 0146. Op. 26.P. 247. D. 18. L. 63.]

USSR in China Karakhan: Documents, August 1923-1926). Moscow: Natalis, 2008. P. 77-78.]

ницей, в том числе силы советских граждан, постоянно проживающих там, поднимать их роль и активность в деле служения Родине»³⁴.

После Второй мировой войны влияние эмигрантского фактора на советско-китайские отношения снижается. Это обусловлено тем, что большая часть оставшейся в Китае русской эмиграции принимала решение получить советское гражданство и возвратиться на родину. К 1945 г. в Маньчжурии, включая Харбин, осталось около 70 тысяч жителей русской национальности. Значительную часть этого населения (около 30 тысяч) составляли те, кто обосновался здесь до революции, остальная же часть русской диаспоры включала помимо представителей белой эмиграции, беженцев, прибывших сюда во время коллективизации в СССР. В Пекине, Тяньзине и Циньдао общее число русских составляло около 10 тыс., в Шанхае к этому времени осталось 17 тыс. человек³⁵. На северо-западе Китая – в Синьцзяне – проживало около 25 тыс. русских. Из них 20 тыс. – бывшие советские граждане, нелегально перешедшие границу СССР в 1929-1930-е гг., остальные же – бывшие участники белого движения³⁶. Таким образом, общая численность российской диаспоры в Китае составляла около 125-130 тыс. человек.

В этот период СССР начинает проводить в жизнь программу репатриации русских эмигрантов из Китая. Основная работа проводилась консульствами, деятельность которых была возобновлена в Китае к 1945 г. Они получили указание о проведении работы по осуществлению положений Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 г., который предусматривал, что гражданство СССР имеют все, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными Российской империи³⁷. Репатриацион-

ные мероприятия растянулись на несколько лет – с 1944 по 1953 гг. и вызвали осложнение международных отношений в целом, в том числе и на Дальнем Востоке.

И со стороны СССР, и со стороны международного сообщества в решении беженских проблем преобладали политические мотивы. Понятие «репатриация» приобрело своеобразный смысл, означающий насильственное, принудительное возвращение граждан и неграждан в СССР³⁸. С одной стороны, репатриация после Второй мировой войны являлась одной из сложнейших политических, экономических и морально-нравственных проблем для органов государственной власти и управления СССР³⁹, с другой – главной и основной целью советского правительства на завершающем этапе войны.

Помимо советских властей эмигрантскими вопросами занимался местный отдел Международной организации по делам беженцев (МОБ), действовавшей под эгидой ООН. Однако это категорически не устраивало китайское руководство. На заседании специального подкомитета ООН 18 февраля 1946 г. представитель Китая Лян выступил против распространения специальной резолюции ООН № 71, относящейся к вражеским территориям, на дальневосточный регион,

Viktor.Vospominaniya General'nogo konsula SSSR v Pekine (Chief of the 20th Mission Bishop Victor. Memoirs of the Consul General of the USSR in Beijing) / Istoriya Rossijskoj Duhovnoj missii v Kitae. Sb. st. Moscow, 1997. P. 322.]

³⁸ Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942-1956 гг. – М.: Институт энергии знаний, 2011. – С. 12. [Markdorf, N.M. Inostrannye voennoplennnye, internirovannye, vlasovcy, beloemigranty v Zapadnoj Sibiri: 1942-1956 gg. (Foreign Prisoners of War, Internees, Vlasovites, White Emigres in Western Siberia: 1942-1956). Moscow: Institute of Knowledge Energy, 2011. P. 12.]

³⁹ Бичехвост А.Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. – С. 8. [Bichekhvost, A.F. Istoriya repatriacii I sovetskikh grazhdan: trudnosti vozvrashcheniya (1944-1953 gg.) (The History of the Repatriation of Soviet Citizens: the Difficulties of Return (1944-1953)). Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2008. P. 8.]

³⁴ АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 16. Л. 19. [AVP RF. F. 0146. Op. 26. P. 247. D. 16. L. 19.]

³⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 60. [GARF. F. 9401. Op. 2. D. 105. L. 60.]

³⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 239. [GARF. F. 9401. Op. 2. D. 105. L. 239.]

³⁷ Тихвинский С.Л. Начальник 20-й Миссии владыка Виктор. Воспоминания Генерального консула СССР в Пекине / История Российской Духовной миссии в Китае. Сб. ст. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. – С. 322. [Tikhvinsky, S.L. Nachal'nik 20-j Missii vладыka

а, соответственно, против оказания помощи перемещенным лицам на Дальнем Востоке⁴⁰.

Советское руководство не было настроено на тесное сотрудничество с ООН в гуманитарной сфере. Доля участия СССР в разработке и принятии решений по социальным проблемам изначально была незначительной. СССР стоял в ООН в большей степени на догматических теоретических позициях⁴¹. К МОБ Советский Союз также отнесся отрицательно, так как эта организация «ставила своей целью не возвращение перемещенных лиц в страны их происхождения, а вывоз в заокеанские государства и использование в целях англо-американского империализма»⁴².

Однако помощь МОБ была недостаточной. Организация испытывала недостаток персонала и занималась только кризисными ситуациями. Более того, к середине 1948 г. МОБ так и не разработала никакого плана эвакуации русских из Китая, не желавших возвращаться в СССР⁴³. Тем не менее, не-

обходимо признать, что Международная организация по делам беженцев за весь период своего существования провела огромную работу по решению беженской проблемы. При ее непосредственном содействии государствами-членами ООН было расселено около 1 млн беженцев⁴⁴. Только в январе-мае 1949 г. из Шанхая на о. Тубабао с ее помощью эвакуировались 5500 эмигрантов⁴⁵. По данным М.Н. Мосейкиной, с 1951 по 1958 г. довольно мощной была «китайская волна» русских беженцев в страны Латинской Америки. Только в Бразилию из Китая прибыло около 25 тыс. русских⁴⁶.

Таким образом, проблема русских беженцев в Китае в 1920-е – 1940-е гг. стала одним из важнейших факторов международной системы региона и непосредственно, советско-китайских отношений.

Сравнительно-исторический анализ позволяет выделить следующие периоды, характеризующие особенности правового статуса русских эмигрантов в Китае.

⁴⁰ Поздняков И.А. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920-1950-е гг.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 70. [Pozdnyakov, I.A. Iz Kitaya v Ameriku: istoriko-antropologicheskij vzglyad na russkuyu eh migraciyu (1920-1950s.). (From China to America: a Historical and Anthropological View of Russian Emigration (1920-1950)). St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2007. P. 70.]

⁴¹ Гришаева Л.Е. Россия и ООН: история и современность. – М.: Спутник+, 2007. – С. 273. [Grishaeva, L.E. Rossiya i OON: istoriya i sovremennost' (Russia and the United Nations: History and Modernity). Moscow: Sputnik +, 2007. P. 273.]

⁴² Гребенщикова И.В. Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база). – Екатеринбург: Изд-во Урал.юр. ин-та МВД России, 2008. – С. 19. [Grebenschikova, I.V. Repatriaciya v SSSR (organizacionnye osnovy inormativno-pravovaya baza) (Repatriation to the USSR (Organizational Basis and Regulatory Framework)). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. jurid. in-ta MVD Rossii, 2008. P. 19.]

⁴³ Нэш Г. Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. – СПб.: Лики России, 2011. – С. 219. [Nash, G. Poteryavshie Rodinu: Semejnaya saga Tarasovyh (The Lost Motherland: The Family Tarasov Saga). SPb.: LikiRossii, 2011. P. 219.]

⁴⁴ Беженцы и апатриды и проблемы помощи беженцам: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев / ООН. Генеральная ассамблея. Официальные отчеты. Дополнение. Сес. 6. № 19. (A/2011). Париж, 1952. – 10 [2] с. 2. [Bezhency i apatridy i problem pomoshchi bezhencam: Doklad Verhovnogo komissara Organizacii Ob»edinennyh Nacij po delam bezhencev (Refugees and Stateless Persons and Problems of Assistance to Refugees: Report of the United Nations High Commissioner for Refugees) / UN. General'naya assambleya. Oficial'nye otchety. Dopolnenie. Ses. 6. № 19. (A/2011). Paris, 1952, 10[2] p. 2.]

⁴⁵ Каневская Г.И. Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 2. – С. 126. [Kanevskaya, G.I. Iskhod russkih iz Kitaya (po vospominaniyam russkih avstralijcev) (The Exodus of Russians from China (From the Reminiscences of Russian Australians)) // Vestnik DVO RAN, 2008, No. 2, pp. 126.]

⁴⁶ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – С. 238. [Moseykina, M.N. «Raseyany, no ne rastorgnuty»: russkaya eh migraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. («Dissipated, but not Dissolved»: Russian Emigration in Latin America in the 1920-1960s.). Moscow: RUDN, 2011. P. 238.]

В течение первого периода – 1917-1924 гг. (до признания Китаем СССР) – русская эмиграция существовала «вне правового поля».

Второй период – 1925-1929 гг. (развитие сотрудничества между двумя государствами после установления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой) – русские эмигранты официально были поставлены перед необходимостью определения своего гражданско-правового статуса.

Третий период – 1929-1931 гг. (обострение китайско-советских отношений) – характеризовался «паспортной чехардой» среди эмигрантского сообщества, а также осложнением положения на советско-китайской границе из-за новых потоков мигрантов, бежавших от коллективизации в СССР. Четвертый период – 1931-1945 гг. – подчиненность эмигрантов в дальневосточных провинциях Китая японским оккупационным властям и «паспортные манипуляции» последних накануне и во время Второй мировой войны, а также «надежды и разочарования» синьцзянской ветви русской эмиграции в условиях обострения этно-конфессиональных отношений. Пятый период – 1945-1949 гг. – советизация основной части русской эмиграции, ее реэмиграция на родину, рост влияния международных организаций в решении беженского вопроса.

Кроме того, существовала серьезная разница правового статуса русских эмигрантов в основных центрах их локализации в Китае. В Маньчжурии он сначала зависел от китайской администрации и советских властей. Оккупация Маньчжурии Японией поставила эмигрантов в зависимость от новых властей, лишила имевшихся ранее пусть и небольших свобод.

Более свободным, чем в Маньчжурии, даже в период японской оккупации, было правовое положение русских эмигрантов в Шанхае, что обуславливалось существованием здесь Международного селтльмента.

Особая ситуация сложилась в провинции Синьцзян. Значительное влияние здесь Советского Союза приводило к сложности и противоречивости политико-правового положения как русских эмигрантов и бежен-

цев, не имеющих гражданства, так и тех, кто получил советский паспорт. Кроме того, его получение также не гарантировало стабильность правового положения и защиту прав русских. Напротив, неоднозначное отношение верхушки провинциального руководства к усилению советских позиций в регионе приводило к репрессиям в отношении советских граждан и русских эмигрантов, намеревающихся получить советское гражданство.

Не гарантировала правовой безопасности и стабильности и репатриация русских из Китая после окончания Второй мировой войны и образования КНР. Международное сообщество не могло полностью решить проблему русских беженцев, в силу ограниченности своих возможностей и приоритета вопросов формирующейся новой системы международных отношений. Проблема правового статуса беженцев продолжала оставаться на периферии мировой политики.

* * *

Межгосударственное сотрудничество в области регулирования миграционных потоков и решения проблем правового статуса беженцев особенно важно сегодня. Несмотря на многочисленные противоречия и сложную историческую эволюцию, оно развивается довольно активно. Это касается и Китая, который развернул сотрудничество в этой области с более чем 40 странами, в том числе, с Россией. Учитывая прошлый опыт сотрудничества в этой сфере, его уроки и ошибки, и Китай, и Россия стараются учитывать взаимные интересы. Сегодня российско-китайское сотрудничество в этой области регулируется рядом двусторонних соглашений и нормативно-правовых актов, среди которых – Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., предусматривающий совместную борьбу с незаконной миграцией, Совместная декларация КНР и России 2007 г. Кроме того, в 2006 г. была создана совместная рабочая группа по вопросам миграции. Основными направлениями ее деятельности являются подготовка предложений по совершенствованию нормативной базы обоих государств в

области миграции, укрепление сотрудничества сторон в сфере предупреждения незаконной миграции, обмен информацией о методах и способах пограничного контроля, совершенствование механизма защиты законных прав и интересов мигрантов⁴⁷.

Важным является и то, что китайским руководством было принято решение совершенствовать миграционное законодательство, учитывая уже имеющийся опыт других стран, где уже приняты и действуют специальные миграционные законы. В настоящее время пребывание иностранных граждан в Китае регулируется следующими основными законодательными актами: «Закон о въезде и выезде из КНР» 2012 г., «Правила регулирования въезда и выезда иностранных граждан из КНР» 2012 г., «Методы управления постоянным проживанием иностранцев в Китае» 2004 г. и «Положением о регулировании трудоустройства иностранцев в Китае» 1996 г.

В последние годы упорядочивание миграционного режима идет по пути усиления контроля за выполнением миграционного законодательства и ужесточения требований к длительному пребыванию в стране. В частности, новый «Закон о въезде и выезде из КНР» предусматривает ряд изменений в миграционной политике. Прежде всего, речь идет об ужесточении мер борьбы и наказаний за нелегальную миграцию⁴⁸.

Однако многие проблемы еще остаются. От их решения зависит стабильность и в дальневосточном регионе, и в мире в целом.

Литература:

Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2007. – 300 с.

Анохина Е.А. Иностранцы в Китае: новые вызовы миграционной политики. Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677>

Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919-1920 гг. / Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 243-255.

Беженцы и апатриды и проблемы помощи беженцам: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев / ООН. Генеральная ассамблея. Официальные отчеты. Дополнение. Сес. 6. № 19. (А/2011). Париж, 1952. –10 [2].

Бичевост А.Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. – 534 с.

Говвердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. – М.: Изд-во МАДИ. – 2004. – 186 с.

Гребенщикова И.В. Репатриация в СССР (организационные основы и нормативно-правовая база). – Екатеринбург: Изд-во Урал.юрид. ин-та МВД России, 2008. – 188 с.

Гришаева Л.Е. Россия и ООН: история и современность. – М.: Спутник+, 2007. – 500 с.

Каневская Г.И. Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 2. – С. 125-132.

Капран И.К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920-1930 е гг. / Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 101-110.

Кара-Мурза Г.С. «Новый порядок» в Маньчжурии. Ч. IV. Идеологическая обработка населения Маньчжоу-Го. Чита, 1944. – 260 с.

Киселева Е.В. Миграция в деятельности ООН: пред- история вопроса // Деятельность международных институтов в области международной миграции населения: глобальная эффективность или национальные интересы: Материалы IX Конвента РАМИ, январь 2016 г. / сост. Д.В. Иванов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 278-283.

Коробеев А.И., Лун Чанхай. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. – 2010. – № 9. – С. 77-82.

Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-1930-е гг.). – СПб.: Астерион, 2014. – 377 с.

Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь русского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945 гг.). – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. – 436 с.

Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942-1956 гг. – М.: Институт энергии знаний, 2011. – 233 с.

Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России / Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. – М.: Наука, 2005. – С. 56-121.

⁴⁷ Коробеев А.И., Лун Чанхай. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. – 2010. – № 9. – С. 80-81. [Korobeev, A.I. Lun Changhai. Osobennosti migracionnoj politiki sovremennogo Kitaya. (Peculiarities of the Migration Policy of Modern China) // Zhurnal rossijskogo prava, 2010, No. 9, pp. 80-81.]

⁴⁸ Анохина Е.А. Иностранцы в Китае: новые вызовы миграционной политики. Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677> [Anokhina, E.A. Inostrancy v Kitae: novye vyzovy migracionnoj politiki (Foreigners in China: New Challenges of Migration Policy). Mode of access: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677>]

Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – 383 с.

Нэш Г. Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. – СПб.: Лики России, 2011. – 295 с.

Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. – М.: Наталис, 2008. – 704 с.

Поздняков И.А. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920–1950-е гг.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 365 с.

Сабенникова И.В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе. 1926–1951 гг. / История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 5–13.

Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1(13). – С. 103–107.

Тихвинский С.Л. Начальник 20-й Миссии владыка Виктор. Воспоминания Генерального консула СССР в Пекине / История Российской Духовной миссии в Китае. Сб. ст. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. – С. 322–324.

Ястребова А.Ю. Соотношение прав индивида и прав государства в сфере миграции // Деятельность международных институтов в области международной миграции населения: глобальная эффективность или национальные интересы: Материалы IX Конвента РАМИ, январь 2016 г. / сост. Д.В. Иванов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 324–329.

Patrikeeff, F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asian Balance of Power, 1924–1931. London; New York: Palgrave Press, 2002. XIV. 230 p.

Wraga, R. Russian Emigration after Thirty Year's Exile. London, 1951. 16 p.

References:

Ablazhey, N.N. S vostoka na vostok: Rossijskaya eh migraciya v Kitae (From East to East: Russian Emigration in China). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. 300 p.

Anokhina, E.A. Inostrancy v Kitae: novye vyzovy migracionnoj politiki (Foreigners in China: New Challenges of Migration Policy). Mode of access: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2677>

Barmin, V.A. Vzaimootnosheniya rossijskoj diplomaticheskoy missii i poddannyh Rossii v Sin'czyane s belym dvizheniem v 1919–1920 gg. (The Relationship between the Russian Diplomatic Mission and Russian Subjects in Xinjiang with the White Movement in 1919–1920) / Aktual'nye problem Central'noj Azii i Kitaya: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej pamyati B.P. Gurevicha. Barnaul: Azbuka, 2006, pp. 243–255.

Bezheny i apatridy I problem pomoshchi bezhencam: Doklad Verhovnogo komissara Organizacii Ob"edinennyh Nacij po delam bezhencev (Refugees and Stateless Persons and Problems of Assistance to Refugees: Report of the United Nations High Commissioner for Refugees) / UN. General'naya assambleya. Oficial'nye otchety. Dopolnenie. Ses. 6. № 19. (A/2011). Paris, 1952, 10[2].

Bichekhvost, A.F. Istoriya repatriacii i sovetskih grazhdan: trudnosti vozvrashcheniya (1944–1953 gg.) (The History of

the Repatriation of Soviet Citizens: the Difficulties of Return (1944–1953)). Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2008. 534 p.

Goverdovskaya, L.F. Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoj eh migracii v Kitae v 1917–1931 gg. (The Socio-Political and Cultural Activities of Russian Emigration in China in 1917–1931). Moscow: Izd-vo MADI, 2004. 186 p.

Grebenschikova, I.V. Repatriaciya v SSSR (organizacionnye osnovy informativno-pravovaya baza) (Repatriation to the USSR (Organizational Basis and Regulatory Framework). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. yurid. in-ta MVD Rossii, 2008. 188 p.

Grishaeva, L.E. Rossiya i OON: istoriya i sovremennost' (Russia and the United Nations: History and Modernity). Moscow: Sputnik +, 2007. 500 p.

Kanevskaya, G.I. Iskhod russkikh iz Kitaya (po vospominaniyam russkikh avstraliycev) (The Exodus of Russians from China (From the Reminiscences of Russian Australians)) // Vestnik DVO RAN, 2008, No. 2, pp. 125–132.

Kapran, I.K. Pravovoe polozhenie sluzhashchih KVZHD v 1920–1930 e gg. (The Legal Status of Employees of the CER in 1920–1930s.) / Pravovoe polozhenie rossijskoj eh migracii v 1920–1930-e gody. SPb.: Sudarynya, 2006. Pp. 101–110.

Kara-Murza, G.S. «Novyj poryadok» v Man'chzhurii. CH. IV. Ideologicheskaya obrabotka naseleniya Manchzhou-Go. ("New Order" in Manchuria. Part IV. Ideological treatment of the population of Mangzhou-Go). Chita, 1944. 260 p.

Kiseleva, Ye.W. Migraciya v deyatel'nosti OON: predystoriya voprosa (Migration in the Activities of the UN: Background of the Issue) // Deyatel'nost' mezhdunarodnyh institutov v oblasti mezhdunarodnoj migracii naseleniya: global'naya ehffektivnost' ili nacional'nye interesy: Materialy IX Konventa RAMI, yanvar' 2016 g. / ed. by D.V. Ivanov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 278–283.

Korobeev, A.I. Lun Changhai Osobennosti migracionnoj politiki sovremennogo Kitaya. (Peculiarities of the Migration Policy of Modern China) // Zhurnal rossijskogo prava, 2010, No. 9, pp. 77–82.

Krotova, M.V. SSSR i rossijskaya eh migraciya v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.) (USSR and Russian Emigration in Manchuria (1920–1930-s.)). Saint Petersburg: Asterion, 2014. 377 p.

Malysenko, G.I. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossijskogo kazachestva v dal'nevostochnoj eh migracii (1920–1945 gg.). (Social and Political Life of the Russian Cossacks in the Far Eastern Emigration (1920–1945)). Omsk: Izd-vo OmGAU, 2006. 436 p.

Markdorf, N.M. Inostrannye voennoplennye, internirovannye, vlasovcy, beloeh migranty v Zapadnoj Sibiri: 1942–1956 gg. (Foreign Prisoners of War, Internees, Vlasovites, White Emigres in Western Siberia: 1942–1956). Moscow: Institute of Knowledge Energy, 2011. 233 p.

Mironova, E.M. Diplomatsicheskoe vedomstvo antibol'shevistskoj Rossii (Diplomatic Department of Anti-Bolshevik Russia) / Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya: materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 56–121.

Moseykina, M.N. «Rasseyany, no ne rastorgnuty»: russkaya eh migraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. ("Dissipated, but not Dissolved": Russian Emigration in Latin America in the 1920–1960s.). Moscow: RUDN, 2011. 383 p.

Nash, G. Poteryavshie Rodinu: Semejnaya saga Tarasovyh (The Lost Motherland: The Family Tarasov Saga). SPb.: LikiRossii, 2011. 295 p.

Patrikeeff, F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asian Balance of Power, 1924-1931. London; New York: Palgrave Press, 2002. XIV. 230 p.

Perepiska I.V. Stalina i G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karahanom: dokumenty, avgust 1923 g. – 1926 g. (Correspondence of Joseph Stalin and G.V. Chicherin with the Plenipotentiary of the USSR in China Karakhan: Documents, August 1923-1926). Moscow: Natalis, 2008. 704 p.

Pozdnyakov, I.A. Iz Kitaya v Ameriku: istoriko-antropologicheskij vzglyad na russkuyu eh migraciyu (1920-1950s.). (From China to America: a Historical and Anthropological View of Russian Emigration (1920-1950)). St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2007. 365 p.

Sabennikova, I.V. Formirovanie principov mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya polozheniya bezhencev v Evrope. 1926–1951 gg. (Formation of the Principles of International Legal Regulation of the Situation of Refugees in Europe. 1926-1951) / Istoriya rossijskogo zarubezh'ya. Emigraciya iz SSSR–Rossii 1941-2001 gg. Moscow: IRI RAN, 2007. Pp. 5-13.

Sizova, A.A. Politicheskoe izmerenie deyatel'nosti konsul'skoj sluzhby Rossii v Zastennom Kitae vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (The Political Dimension of the Activities of the Russian Consular Service in Walled China in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth centuries) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2011, No.1(13), pp. 103-107.

Tikhvinsky, S.L. Nachal'nik 20-j Missii vladika Viktor. Vospominaniya General'nogo konsula SSSR v Pekine (Chief of the 20th Mission Bishop Victor. Memoirs of the Consul General of the USSR in Beijing) / Istoriya Rossijskoj Duhovnoj missii v Kitae. Sb. st. Moscow, 1997. Pp. 322-324.

Wraga, R. Russian Emigration after Thirty Year's Exile. London, 1951. 16 p.

Yastrebova, A.Yu. Sootnoshenie prav individa i prav gosudarstva v sfere migracii (Correlation of the Rights of the Individual and State Rights in the Sphere of Migration) // Deyatel'nost' mezhdunarodnyh institutov v oblasti mezhdunarodnoj migracii naseleniya: global'naya ehffektivnost' ili nacional'nye interesy: Materialy IX Konventa RAMI, yanvar' 2016 g. / Ed. by D.V. Ivanov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 324-329.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10004

LAW STATUS OF REFUGEES AS A FACTOR OF INTERSTATE RELATIONS IN THE COMPARATIVE-HISTORICAL CONTEXT: INTERACTION OF THE USSR AND CHINA IN THE SETTLEMENT OF THE LAW STATUS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE 1920S–1940S

Elena N. Nazemtseva

*Military Academy of General Staff of the Russian Federation's Armed Forces,
Moscow, Russia*

Article history:	Abstract: The paper dwells on analyzing impact of the law status of Russian refugees in China on Soviet-Chinese relations in the first half of the twentieth century. The author describes the peculiarities of the law status of Russian refugees in various areas of China, its dependence on the political situation in the Far East and Soviet-Chinese relations at different stages in the formation and subsequent disintegration of the diaspora.	
<i>Received:</i>		05.01.2018
<i>Revised:</i>		14.04.2018
<i>Accepted:</i>		25.06.2018
About the author: Candidate of History, Research Associate, Military History Research Institute, Military Academy of General Staff of the Russian Federation's Armed Forces e-mail: elenanazz@mail.ru		
Key words: Russian emigration; refugees; citizenship; legal status; China; the USSR; the League of Nations		

Для цитирования: Наземцева Е.Н. Правовой статус беженцев как фактор межгосударственных отношений в сравнительно-историческом контексте: взаимодействие СССР и Китая в урегулировании правового положения русских эмигрантов в 1920-е – 1940-е гг. // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 4. – С. 51-66.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10004

For citation: Nazemtseva, Elena N. Pravovoi status bezhentshev kak faktor mezhgosudarstvennykh otnoshenii v sravnitel'no-istoricheskom kontekste: vzaimodeistvie SSSR i Kitaia v uregulirovanii pravovogo polozheniia russkikh emigrantov v 1920-e – 1940-e gg. (Law Status of Refugees as a Factor of Interstate Relations in the Comparative-Historical Context: Interaction of the USSR and China in the Settlement of the Law Status of Russian Emigrants in the 1920s – 1940s) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 4, pp. 51-66.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10004